

— Хорошо, что обошлось без происшествий. — Лицо Чэнь Вэя исказила гримаса. Прошлой ночью он пробрался к дому старосты, чтобы украсть вина, но, перелезая через стену, не нашёл опоры и подвернул ногу. Не желая сидеть взаперти, он вытащил Сянь Чэньюэ в конец коридора, тянувшегося вдоль задней части дома.

— В последнее время я каждый день выхожу, приходится прятаться от старосты, отслеживать на склонах гор, где они прячут вино. Позавчера, когда Сянь-гэ разрешил мне выходить по ночам, я всю ночь просидел в засаде на склоне, вернулся только на рассвете.

Дождь то затихал, то начинал моросить вновь. Чэнь Вэй опустил голову, сжав кулаки:

— Они палец о палец не ударили, а как я вернулся сегодня утром, они сразу успокоились.

Риск несут одни, а плоды пожинают все.

Уголки глаз Чэнь Вэя покраснели. Несмотря на нежелание жаловаться, он не мог сдержаться. Взглянув на комнату, где жили остальные члены его группы, он заставил себя успокоиться:

— Я... ладно, будем считать, что мне просто не повезло.

— Всё-таки ты, Сянь-гэ, молодец. — Чэнь Вэй вспомнил двух бездельников из комнаты Сянь Чэньюэ. — Ты никогда не злишься из-за таких пустяков.

Разумом он всё понимал: нужно делать всё ради себя, а не ради других, но кто способен не испытывать обиды? Кучка идиотов, которые ничего не умеют и вечно хотят получить всё готовое — чтобы не злиться на таких, нужно быть святым.

Последние два дня Сянь Чэньюэ не носил перчаток. Его пальцы были тонкими и узловатыми. После окончания университета он не занимался тяжёлым физическим трудом, мозоли на руках постепенно сошли, и теперь их почти не было заметно. Выслушав жалобы Чэнь Вэя, он спокойно, без тени эмоций, ответил:

— В следующий раз им так не повезёт.

Чэнь Вэй усмехнулся:

— Сянь-гэ прав.

— Завтра пойдёшь на жертвоприношение — стой прямо за моей спиной. — Сянь Чэньюэ слегка наклонил голову, обращаясь к Чэнь Вэю, который был на полголовы ниже него. — Сегодня ночью не спи.

Хотя Чэнь Вэй не понимал почему, он не стал спрашивать. Подавив эмоции, он улыбнулся:

— Хорошо, я сделаю всё, как сказал Сянь-гэ.

Сянь Чэньюэ не стал продолжать разговор. Ему, по правде говоря, не о чем было беседовать с Чэнь Вэем. Он помогал ему лишь из уважения к его старшему брату, и это был единственный раз. Встретятся ли они в будущем — ещё большой вопрос.

В дождливую погоду темнело раньше обычного. Снаружи непрерывно шумел ливень. Никто из обитателей четырёх комнат не смел проронить ни слова, даже спать никто не решался. Двери и окна были плотно закрыты, без единой щелочки.

Сянь Чэньюэ сидел на стуле, не ложась на кровать. Ещё до наступления темноты он предупредил Линь Минь и Су Яня, что спать сегодня нельзя. Линь Минь, чей режим сбился ещё днём, никак не могла уснуть. Она сидела на широкой общей кровати, прислонившись к стене, и время от времени проверяла лоб Су Яня, чтобы узнать, не усилился ли жар. Су Янь из-за лихорадки пребывал в забытии — он не был в сознании, но и уснуть по-настоящему не мог.

Дождь за окном не собирался утихать. Сянь Чэньюэ закрыл глаза, скрестив руки на груди, словно задремал. Так продолжалось до тех пор, пока снаружи не раздался крик.

Он мгновенно открыл глаза. Окна были заколочены досками, снаружи не было видно даже тени. Как и в их первую ночь здесь, в дверь начали неистово стучать. Звук был глухим, деревянная дверь ходила ходуном, петли жалобно скрипели, а через щели просачивался запах гнили. Линь Минь зажала рот рукой, боясь, что её стошнит.

Но в этот раз снаружи никто не молил о помощи. Казалось, само это молчание кричало о том, что стук — обман, и тот, кто откроет дверь, обречён.

Когда раздался следующий удар в дверь, Сянь Чэньюэ пришёл в движение. Он перетащил деревянный стол от окна к входу, подперев им шатающуюся дверь. Этого было недостаточно: дверной засов, казалось, давно прогнил и теперь треснул посередине, как сухая ветка. Ночной ветер, смешанный с каплями дождя, ворвался внутрь, намочив земляной пол.

Всё происходило слишком быстро. Сянь Чэньюэ не обращал внимания на сырость — в этих домах не было ни плитки, ни цемента, лишь плотно утрамбованная земля, которая быстро впитывала влагу, не позволяя образовываться лужам.

Крики снаружи то затихали, то вспыхивали с новой силой, слышались глухие всхлипы и отчётливые шаги.

— Бах! — с оглушительным грохотом дверь содрогнулась. Сянь Чэньюэ изо всех сил навалился на неё, закрывая. Сбросив сломанный засов в сторону, он схватил деревянный брус, который

приготовил заранее, уходя с гор, и загнал его в крепления.

Даже после этого Сянь Чэньюэ не расслабился. Он прижался спиной к стене рядом с дверью. Снаружи наконец слышались человеческие голоса, но мольба о помощи оборвалась, утонув в шуме ливня. Всё, что происходило за порогом, казалось окутанным туманом, даже звуки доносились искажёнными.

Линь Минь крепко сжимала одеяло. В комнате было непроглядно темно, лишь слабый свет пробивался сквозь щели, но в дождливую ночь даже он казался тусклым. Она едва могла различить силуэт Сянь Чэньюэ.

Что это за звук? Линь Минь широко раскрыла глаза. Похоже на... удары топора по двери. Раз за разом.

Это не их дверь. Чья же? Кто стучит? Чью дверь ломают? И когда очередь дойдёт до них?

Звуки снаружи усиливались, но громче всего она слышала собственное сердцебиение. Удушливое чувство приближающейся смерти было настолько сильным, что она затаила дыхание. Не в силах больше сидеть у стены, она на коленях переползла к Су Яню и вцепилась в его руку. Су Янь в полузабытьи не мог ответить, и только Сянь Чэньюэ, стоявший у двери, служил им единственной защитой.

Ветер врвался в щели, и его свист звучал как нескончаемый скорбный плач. Сянь Чэньюэ заглянул в узкую щель — там была сплошная белизна. В тот же миг он понял, что это.

Это были глаза монстра. Без зрачков, только белки. Ни печали, ни радости.

Сянь Чэньюэ не отрывал взгляда, пока белизна не исчезла. Только тогда он увидел, что снаружи по-прежнему льёт бесконечный дождь. Было так темно, что невозможно было оценить силу ливня, оставалось полагаться только на слух. Дверь соседнего дома тоже ходила ходуном. Удары топора не прекращались.

Сянь Чэньюэ поджал губы и откинул назад спавшую на лицо прядь волос. Эта ночь будет куда труднее, чем он предполагал.

Курицу, которую он держал в комнате, Сянь Чэньюэ ещё до темноты связал, туго стянув лапы и крылья, а клюв обмотал самодельной верёвкой из травы. Птица сдалась и уже два часа не двигалась, обессилев настолько, что не могла поднять голову.

Вскоре стук возобновился, но теперь его сопровождали крики. Голос Чэнь Вэя, высокий и прерывистый, звучал так, будто его кто-то душил:

— Сянь-гэ! Сянь-гэ, открой дверь! Спаси меня! Они... они не хотят помогать мне держать

дверь! Сянь-гэ!

Чэнь Вэй рыдал, его мольбы были бессвязными, словно он обезумел от страха.

— Сянь-гэ... спаси меня! Сянь-гэ!!

Линь Минь посмотрела на Сянь Чэньюэ. Она не знала, что их связывает, но помнила, что с самого прибытия Чэнь Вэй постоянно разговаривал с ним, и Сянь Чэньюэ, даже если не отвечал, никогда его не прогонял. Для человека с таким характером это уже было проявлением особого расположения. Она была уверена, что раз Сянь Чэньюэ помогал другим, то поможет и Чэнь Вэю.

Она смотрела на него, но Сянь Чэньюэ оставался неподвижен. Это встревожило её ещё больше: казалось, на грудь давит тяжёлый камень, перекрывая дыхание.

Крики Чэнь Вэя становились всё громче и пронзительнее:

— Спаси меня! Сянь-гэ! Ты не можешь стоять в стороне и смотреть, как я умираю!

Мольбы пронзали дверь, били по ушам, но Сянь Чэньюэ сохранял полное равнодушие. Через щель он видел бледное, искажённое ужасом лицо Чэнь Вэя. Но дверь не открыл.

Прошло много времени. Стук, крики, шум дождя и удары топора постепенно затихли и исчезли без следа. Дождь стал слабее. Сянь Чэньюэ, с которого сошёл холодный пот, сел на стул и стал ждать.

В щели пробился свет. Без часов и телефона время можно было определить только по солнцу. Рассвело?

Линь Минь, прижав руку к груди, хотела что-то сказать, как вдруг снаружи раздался тихий стук. Мягкий женский голос с акцентом произнёс:

— Сынок, это тётушка. Принесла тебе поесть — рис с бататом и соленья, не побрезгуй.

Линь Минь выдохнула с облегчением. Она помнила эту женщину: та относилась к Сянь Чэньюэ как к родному сыну, все эти дни кормила его, поила, грела воду для купания и никогда не вредила. Наверное, ей можно доверять?

Как только Линь Минь собралась заговорить, Сянь Чэньюэ обернулся. В его глазах читалось суровое предупреждение. Линь Минь тут же прикрыла рот рукой. Она уже привыкла слушаться его: что бы она ни думала, один лишь взгляд Сянь Чэньюэ заставлял её молчать.

Спустя несколько минут голос тётушки прозвучал снова:

— Скоро жертвоприношение, поешь хоть немного, не будь голодным. Сынок, открывай скорее. Староста скоро придёт, если сейчас не поешь, весь день голодать будешь.

Сянь Чэньюэ молчал. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Я ещё одежду тебе принесла, — продолжала женщина, — своему сыну покупала, он даже надеть не успел, всё новое, из хорошей ткани, что в городе брали. Сынок, открой дверь. Уже рассвело, тётушка не обманет. Если бы было темно, я бы сама не вышла, правда? В нашей деревне никто по ночам не выходит, мне нет смысла тебя обманывать.

Сянь Чэньюэ по-прежнему не проронил ни слова. Эта женщина с самой первой встречи вела себя подозрительно. Сянь Чэньюэ никогда не считал обитателей Изнанки обычными NPC — у них было своё мышление, они были эгоистичны, искали лазейки и умели лгать. Пусть они не всегда понимали, что находятся в Изнанке, это не мешало им вредить другим.

Её словам он верил лишь отчасти. Как может любящий сын столько лет не навещать мать? Либо он был неблагодарным, либо он уже мёртв. Она приняла его за сына. А значит, захочет оставить его здесь навсегда. Как оставить? Достаточно, чтобы он умер.

<http://bllate.org/book/18701/1807462>